

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.177.5>

Data przesłania artykułu: 19.12.2021

Data akceptacji artykułu: 5.06.2022

LUDMIŁA SZEWCZENKO

Uniwersytet Jana Kochanowskiego w Kielcach, Polska

(Jan Kochanowski University of Kielce, Poland)

Время двух пандемий в *Повести о смерти* Марка Алданова*

The Time of Two Pandemics in Mark Aldanov's *A Novel about Death*

Abstract

One of the key subjects of M. Aldanov's *A Novel about Death* is the cholera pandemic of 1847–50. The author of this article views Aldanov's work in the context of history, medical science, poetics, philosophy and aesthetics and applies the historical-literary and cultural-historical methods of research. Doing so demonstrates how the phenomenon of the pandemic is construed by M. Aldanov in the paradigm of the philosophy of a happenstance. The article traces how the motif of sickness in *A Novel about Death* is intertwined with Aldanov's attempts to comprehend the strive for revolutions that engulfed Europe, and analyzes in detail how the use of a morbid code is metaphorically extrapolated on the entirety of issues raised in the novel.

Keywords: cholera, the French Revolution, morbid code, philosophy of a happenstance

Час двох пандемій у *Повісті про смерть* Марка Алданова

Резюме

Однією з центральних сюжетних ліній у *Повісті про смерть* М. Алданова є третя холерна пандемія 1847–1850 років. Спираючись на праці про творчість М. Алданова та публікації, що стосуються історії та медицини, поезики, філософії та естетики, а також використовуючи історико-літературний та культурно-історичний методи дослідження, автор

* Źródło finansowania: projekt badawczy UJK ze środków MNiSW nr SUPB.RN 21.193.

пропонованої статті показує, як сама пандемія трактується М. Алдановим у парадигмі його філософії випадковості. У статті досліджується, яким чином мотив хвороби пов'язаний в тексті з ідеями революції, що в той час захопили країни Європи, а також аналізується, як використання морбуального коду метафорично екстраполюється на проблеми, які піднімаються автором твору.

Ключові слова: холера, Французька революція, морбуальний код, філософія випадковості

Как отмечает Михаил Эпштейн, „Болезнь — явление не только физиологическое, но и моральное и историческое. [...] Среди огромного множества недугов можно выделить эпохальные: болезни-эмблемы, символы. Чума — и Средние века. Сифилис — и Ренессанс. Туберкулез (чахотка) — и XIX в. Рак — и XX в. СПИД — и конец XX в. [...] В этом смысле КОВИД-19 — это метафора нашего времени” (Эпштейн, 2021). Сьюзен Сонтаг еще в конце 1970-х гг. писала о том, что слово *болезнь* в европейских и русском языках нередко используется для обозначения чего-то неприятного: „Эпидемические болезни всегда были риторическими фигурами. От английского «pestilence» (бубонная чума) произошли прилагательные «pestilent» ... — «гибельный для религии, нравов или общественного спокойствия» и «pestilentia», означающее нечто «нравственно вредное или пагубное»” (Сонтаг, 2016, с. 56). Цитируя ее в статье *Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века*, Екатерина Трубецкова отмечала, что

распространенное с Античности и подробно обоснованное Г. Спенсером уподобление общества и государства живому организму порождает и рассмотрение нарушений его привычного функционирования как болезни. [...] «Нарыв», «абсцесс», «гангрена», «язва» — эти слова применяются к социальным аномалиям, возникающим в процессе общественного развития, таким как нищета, преступность, проституция, узурпация власти. В терминах морбуального дискурса нередко рассматриваются и революционные изменения [...]. (Трубецкова, 2018, с. 65)

Сюжетные линии *Повести о смерти* М. Алданова проблемно і тематично пов'язані з третьою холерною пандемією 1847–1850 років і з подіями Великої Французької революції. Опираючись на роботи, присвячені творчості М. Алданова, матеріали, що стосуються історії і медицини, етики, філософії і естетики, а також застосовуючи історико-літературний і культурно-історичний методи дослідження, автор даної статті ставит завдання:

1) показати, як поняття пандемії трактується М. Алдановим у парадигмі його філософії випадковості;

2) прослідкувати, як мотив хвороби переплітається в тексті з спробами осмислення заразившої країни Європи прагнення до революцій;

3) проанализировать, как обращение к морбуальному коду метафорически экстраполируется на комплекс всей поднимаемой в повести проблематики.

Марк Алданов (настоящее имя Мордехай-Маркус Израилевич Ландау, 07.11.1886–25.02.1957) — российский прозаик, философ и химик, родился в интеллигентной и состоятельной еврейской семье в Киеве. Здесь он окончил гимназию, а потом физико-математический и юридический факультеты Киевского университета. В 1918–1940 годах писатель учился, жил и работал во Франции и Германии, а в 1940–1957 — во Франции и США. Отсюда — прекрасное знание им реалий, истории Украины и Франции, увлеченность событиями европейской истории, взгляд на мир, сочетающий характерное для художника образное и — научное, философское осмысление разных явлений, стремление к поискам высшего смысла всего бытия.

Повесть о смерти (1953) входит в серию связанных общими действующими лицами (или их предками и потомками) исторических и современных романов, которые представляют события разных эпох со времен, что предшествовало Великой Французской Революции и до середины прошлого века. Ее действие разворачивается в конце 40-х годов XIX в. и охватывает события, происходившие в Российской империи, Турции, Франции и Италии, тесно связанные с пандемией холеры и заразившие Европу идеей революции. Среди исторических персонажей главную роль в повести играет писатель Оноре де Бальзак; ряд фрагментов посвящены астроному-философу Франсуа Араго, идеологу левого революционного течения Луи Огюсту Бланки, членам подпольных организаций, боровшихся за независимость Польши и Украины, переустройство России и Франции.

Центральную роль среди вымышленных персонажей произведения, вписанных в изобилующий историческими подробностями и деталями достоверный контекст, играет живущая в Киеве семья Лейденов. Рассказ о ней с помощью морбуального кода связан с этико-эстетическим осмыслением в повести пандемии холеры, а также идей, заразивших в то время Европу. Представляя главу семьи Лейденов, автор пишет, что Константин Платонович был состоятельным и образованным человеком, имевшим немало „[...] земли в Херсонской губернии для устройства больших садов и для новых культур” (Алданов, 1999, с. 42). Автор подчеркивает, что его герой очень заботился о здоровье: „на ночном столике у него всегда лежала старая, потрепанная книга «Врачебное веществословие или Фармакология»” (Алданов, 1999, с. 43). Константин Платонович

[...] любил лечиться, хотя и подозрительно относился к большинству врачей, зубы чистил табаком, что считалось очень полезным для здоровья, имел правила относительно того, что надо есть и в каком количестве, сколько надо ежедневно гулять, как одеваться в жару, как обвязывать шею в стужу. [...] В Киеве со смехом и недоумением рассказывали, что Лейден купается каждый день. «Просто корчит английского лорда!» [...] Бани

в доме Лейденов не было, но была ванна. Константин Платонович выписал ее из Вены; высокий круглый котел с печью внизу, трубы и краны были устроены по его рисунку; киевские мастера наладили это не без труда, по непривычке к столь сложным сооружениям. [...] Температура воды у него всегда бывала определенная в зависимости от времени года, — он её тоже тщательно проверял. (Алданов, 1999, с. 43–44)

Друг же семьи „Тятенька с возмущением утверждал, что Лейден губит свое здоровье: — «Во всей России верно только три или четыре психопата купаются каждый день!»” (Алданов, 1999, с. 44), и открыто ему заявлял, что он — психопат.

Прекрасно осведомленный об истории распространения разных заболеваний в Европе, а также о том, как на них реагировало население, М. Алданов пишет, что в просвещенной семье Лейденов вспоминали: „холера-морбус [...] появилась в Европе в первый раз лишь после Наполеоновских войн. Теперь она [...] приходит уже в третий раз, и ученые сделали свои выводы” (Алданов, 1999, с. 66). Тятенька вечерами рассказывал, что симптомами при „азиатской” холере являются „[...] ломота, холод и жажда. Через несколько часов судороги в ногах, в желудке, затем рвота с пеной, икотка, понос и эти самые синие ногти” (Алданов, 1999, с. 66). Ко времени отъезда Константина Платоновича за платанами в Турцию „холера в Киеве почти кончилась”. Учеными было „установлено, что она распространяется вдоль больших дорог по пути следования чумаков”, а „так как на Востоке люди путешествуют медленно, то едва ли она может прийти в Константинополь скоро” (Алданов, 1999, с. 66). Считалось, что путешествие в те края безопасно, однако жена Лейдена, Ольга Ивановна, его умоляла: „Первым делом, если о чем-нибудь таком услышишь, беги и лучше всего прямо домой! Дела подождут” (Алданов, 1999, с. 66). Тятенька же со знанием дела советовал: „Натошак жри хлеб с чесноком и пей дегтярную воду. А запивай эту дрянью чаркой водки. Если найдешь полынную или — зверобой, лучше всего, да не найдешь, тогда пей простяк. И перво-наперво в случае чего пошли за рудометом, кровь пусти” (Алданов, 1999, с. 66).

Казалось бы, никакая холера семье Константина Платоновича, соблюдавшей все меры предосторожности, не страшна, но здесь, как всегда у М. Алданова, в ход событий вторгается случай. В *Повести о смерти* М. Алданов описывает третью холерную пандемию 1846–1860 годов. Она считается крупнейшей по смертности пандемией XIX века¹. Именно из-за нее в 1851 году

¹ „Холера” в переводе с греческого означает „желчь”. До конца XIX века неоспоримой считалась теория Гиппократова, согласно которой, болезни происходили из-за дисбаланса в организме четырех „соков”: крови, черной, желтой желчи и слизи. А так как „причиной холеры считали излияние желчи, с большими делами все, чтобы разлившуюся желчь «выгнать»: пускали кровь, ничем не замещая ее, парили в банях и саунах, чтобы больной сильнее потел, давали рвотное, чтобы очистить желудок от «дурных соков», не поили, давали токсичную ртутную соль. [...] Опровергнуть «теорию миазмов», то есть зловония, дурного воздуха, удалось британскому врачу Джону Сноу [...]. Вакцину против холеры в 1892 году

в Париже была принята Первая международная санитарная конвенция, задачей которой была разработка мероприятий по защите от этой болезни (*Третья холерная пандемия*, 2021). М. Алданову было известно, что в XIX веке с холерой нередко боролись, используя многочисленные обряды и суеверия². Однако прозаик не представляет подобные практики в произведении, хотя и приводит детальное описание мер, которые применялись для остановки распространения заболевания. Он пишет:

По дорогам к Киеву были расставлены карантинные караулы, но холера в город проникла. Из предохранительных мер южно-русская медицина рекомендовала: носить шубу и кожаные перчатки, вытираться уксусом, есть только мясное, пить много спиртного. Письма и посылки окуривались. Окуривался и весь город: на площадях сжигался навоз. (Алданов, 1999, с. 33)

Значительное место в произведении уделяется изображению того, как реагировало на холеру и санитарные мероприятия население Киева. Обращаясь к источникам, автор подробно рассказывает:

На простой народ холерная больница наводила ужас. По вечерам рано гасили огни и наглухо запирали ворота, чтобы не ворвались фурманщики и не увезли кого в холерной повозке. Простые люди пытались спастись от тресовицы заговорами. Образованные думали, что помочь не может ничто, и старались шутить. Читались стишки о лучшем лечении: «Возьми рассудку десять лотов, — Семь гранов травки доброты, — Двенадцать драхм состав покою, — Сто унций сердца чистоты, — Сотри всё это камнем веры — И порошок сей от холеры — Сквозь сито совести просей». Кто-то пытался было пустить слух, будто травят народ поляки, но население вздору не верило, и холерных бунтов в Киеве в 1847 году не было. Люди, и богатые и бедные, умирали безропотно. Каждый день шли по городу погребальные процессии, чаще всего на Аскольдову могилу, откуда открывался изумительный вид на Днепр и на заднепровскую даль. На кладбищах люди бодрились, а возвращаясь вполголоса спрашивали друг друга: кто же следующий? Надписи делались трогательные, иногда по старинному обычаю, в стихах, вроде: «О, злополучная холера — какого унесла ты кавалера!» — следовала краткая биография, порою тоже с рифмами. (Алданов, 1999, с. 33)

Писатель останавливается на характерных для той поры методах лечения заболевания, вводя в медицинский дискурс повествования элементы предметной и тематической разновидности морбуального кода. Он пишет:

создал тот же бактериолог, что открыл вакцину от оспы, — Владимир Хавкин” („*Chuma na oba vashi doma*”: *kak velikiye epidemii povliyali na chelovechestvo*, 2020).

² Мария Стукалова сообщает о совершавшемся в 1848 году в Чернобыле обряде „оборювания” (от слова „орати”) для ограждения от болезни в канун вспышки холеры в Киеве. Его суть заключалась в том, что женщины, а лучше молоденькие девушки, должны были „[...] впрягаться в плуг и «оборювати» город, село или двор, которые хотели защитить от губительной пошести. Ко всему же, они должны были держать в руках христианские атрибуты, например, образы святых. [...] Кстати, некоторые толкователи этого обряда утверждают, что его нужно было осуществлять в рубашках, а кто-то считает, что более действенный результат был тогда, когда девушки оборювали город голыми” (Stukanova, 2020).

Все больные желудком увозились в больницу, где были собраны городские цирюльники. Больным, первым делом, пускалась кровь; немногочисленные замученные врачи справиться с этим не могли. Власти отпускали цирюльникам водку бесплатно, и от их операций нередко умирали здоровые люди. Сами же они умирали почти поголовно. (Алданов, 1999, с. 33)

Верный исторической правде автор отмечает, что со временем эпидемия стала слабеть: „В сентябре, в октябре еще умирало в день по сорок–пятьдесят человек. В ноябре стало выясняться: кончается, кончено! И тотчас все забыли отвратительную болезнь, с корчами, поносом, рвотой, посинелыми лицами. Началась жизнь, — давно в городе не жилось так весело” (Алданов, 1999, с. 33–34).

М. Алданов пишет, что зимой в Константинополе и во Флоренции, куда прибыл Лейден, холеры не было, хотя в Украине Балзак, подъезжая к имению Ганской, еще видел, как „проходила еврейская погребальная процессия, хоронили холерного” (Алданов, 1999, с. 80). В холодное время в Киеве на торгах людей было мало, существовала опасность еще заражения „[...] из-за приютившейся где-то на зиму холеры” (Алданов, 1999, с. 218). Передавая спокойный настрой жены Лейдена, автор замечает, что Ольга Ивановна думала: „[...] на беду принесло эту холеру, прошлый год много людей померло, да и теперь в больнице стали опять помирать, а бояться нечего, и с холерой можно выжить, и от других хороб разве не помирают?” (Алданов, 1999, с. 246). Однако, побывав накануне на ярмарке, она снова разволновалась: „на обратном пути она издали, с Крещатика, увидела на Александровском спуске страшную фуру, увозившую холерных в больницу и велела кучеру подняться в Липки по другой улице” (Алданов, 1999, с. 247). Через несколько дней, как бы предчувствуя надвигающуюся беду, Ольга Ивановна неожиданно для себя вдруг „[...] попробовала запеть: «Нет, доктор, нет, не приходи! — Твоя наука не поможет»” (Алданов, 1999, с. 247). Слова этого известного в XIX веке романа Александра Варламова на стихи Федора Глинки звучат как пророчество: спустя пару дней в доме заболевает кухарка Ульяна. Корчившись от боли в животе, она „с выражением дикого ужаса в глазах [...] сообразилась: третьего дня зашла в больницу навестить кума. Ольга Ивановна похолодела. Дом, в котором появлялся холерный больной, считался обреченным” (Алданов, 1999, с. 247). Еще до этого, стоило лишь Константину Платоновичу уехать в Европу, дочери Лиле — укатить в Петербург, а Ольге Ивановне перестать просить Ульяну готовить привычные блюда, — та, решив, „[...] что с тех пор, как обед состоит из котлет, все прежние правила отменяются”, воду всем для питья, не прокипятив, „[...] налила в графин из бочки”. Хотя „всем было известно, что надо пить только отварную воду, да и то лучше с вином. Прежде это правило соблюдалось у Лейденов, как и у всех киевлян” (Алданов, 1999, с. 247). Так два случайно совпавших события стали причиной трагедии.

М. Алданов лишь упоминает, что пришедший по вызову врач предложил прислать повозку, чтобы перевезти Ульяну в госпиталь, и посоветовал всем уйти из дому. Акцент же писателем ставится на реакции на случившееся жены Лейдена: „Нет, не надо повозки, — твердо ответила Ольга Ивановна. Так же твердо она расспросила доктора о том, каковы первые симптомы болезни и что надо делать. Когда он ушел, отпустила и дворника, дав ему денег. — Иди куда хочешь. Что ж и тебе помирать? — сказала она” (Алданов, 1999, с. 247). Сосредоточиваясь на портрете своей героини и воссоздавая динамику ее мыслей и чувств, М. Алданов пишет:

Лицо у нее было серое, и глаза такие, что их старик навсегда запомнил. Ольга Ивановна теперь не сомневалась, что погибла. Считала это Божьей карой, но не понимала за что. Злословила, сплетничала? Знала, что этим грешила не много, гораздо меньше, чем другие. Старалась вспомнить еще грехи. Были, были, однако всё же не очень большие, — за это ли столь ужасная кара! Ей было известно, что при холере агония страшная, — страшная в особенности тем, что она так грязна. «Что-ж делать, Божья воля!» — сказала она себе. (Алданов, 1999, с. 248)

На вопрос же дворника, что она будет делать сама, лишь ответила: „Куда я пойду заражать людей! И надо кому-нибудь остаться при Ульяне. Не умирать же ей как собаке! Она в доме двадцать лет. Я сейчас дам ей лекарства” (Алданов, 1999, с. 248).

В свое время Ежи Фарыно подчеркивал, что писатели, „выбирая” болезни героям, преследуют разные цели. К примеру, исследователь отмечал, что длительность болезни и медленность смерти являются у Толстого оценочными категориями:

чем дольше его герой болеет и умирает, тем безобразнее он в нравственном отношении. Чем короче недуг и чем быстрее смерть, тем выше нравственность и подлинная личность такого персонажа (ср. *Три смерти*). Наиболее благородна смерть внезапная и безмолвная — она свидетельствует о цельности персонажа, о его гармонической причастности к вселенскому бытию». (Фарыно, 2004, с. 242)

М. Алданов, ориентировавшийся на творчество Л. Толстого, написавший о нем литературно-критическую работу *Загадка Толстого* (1915), также использует изображение поведения заболевших и их окружения в качестве маркера сущности человеческих отношений. Повествуя о кончине Ольги Ивановны, прозаик пишет, что „она заболела через несколько часов”, а когда под вечер вернулся дворник, „Ольга Ивановна обрадовалась старику, но не велела ему входить в комнату” (Алданов, 1999, с. 249). Хорошо зная, как внешне проявляет себя заболевание, писатель не представляет читателям его натуралистических описаний, а сосредоточивает внимание на этических проявлениях героини в ее отношении к окружающим и к выполнению своих обязанностей. Причем важную роль здесь играют последние распоряжения героини, ее забота о прислуге и доме, о бабушке. Особый акцент сделан ав-

тором на передаче моторики, мимики, на изменении тембра голоса героини, на ритме и темпе высказываний, паузах в разговоре:

— Письма, — прохрипела она. — В кабинете на столе письма. Как умру, вели всё в доме окурить... И уходи! Постой... Халат вынеси, тот, новый. Чтобы окурили...

Дворник испуганно предложил опять побежать за доктором. Она ответила, что уже знает, как лечиться. Он спросил, не позвать ли батюшку. Священники всегда приходили по вызову холерных больных — и умирали. Барыня долго не отвечала. Потом сказала, чтобы не звал:

— Нет... Не надо губить батюшку... Бог меня простит... Уходи... Ты барину скажи, когда придет...

Больше она ничего выговорить не могла.

Через два часа дворник, вошедший в дом с доктором, нашел ее мертвой. Она лежала не в спальней, а на полу в коридоре: очевидно, шла проведать Ульяну. Та стонала на весь дом. Ночью умерла и Ульяна. (Алданов, 1999, с. 249)

Знаковым для раскрытия чувств, психологии героини является указание автора на вещную деталь — то, на что устремлен был прощальный взгляд Ольги Ивановны: „На подоконнике спальни был найден медальон с миниатюрными портретами Константина Платоновича и Лили” (Алданов, 1999, с. 249).

Забота Ольги Ивановны, доброта и сердечность Ульяны в их отношении к окружающим как ничто более говорят об их нравственных качествах, истинной человечности. Реалистически изображенные и объяснимые рационально их болезнь и смерть представляются в повести как болезнь и смерть праведников, причастных к гармонии бытия. Семья Лейденов заявлена в *Повести о смерти* в каноне житийных повествований как идеальная этическая модель мира, в котором все пропитано любовью друг к другу. Ольга Ивановна живет жизнью мужа и каждый день ждет его возвращения, а он почти ежедневно шлет ей многостраничные письма-раздумья и письма-отчеты. Когда же в его жизни появляется Роксолана, то эта гармония отношений и виртуальная связь нарушаются: письма пишутся реже, а в их киевский дом приходит беда. Предчувствуя ее появление даже на расстоянии, Лейден, читая письма жены, начинает вдруг волноваться. Несмотря на то, что Ольга Ивановна пишет: „А уж беспокоиться о нас ты совсем не беспокойся. Холера, слава Богу, кончилась, за прошлый месяц было только два случая, и далеко от нас, на Подоле. [...], а ежели к лету, избави Бог, холера возобновится, то ведь к лету ты уже будешь с нами”, (Алданов, 1999, с. 203), — ему становится очень тревожно.

Вводя в повествование целый ряд параллелей и интертекстуальных отсылок, М. Алданов рассказывает о том, как Лейден для развлечения начинает читать *Декамерон* и его поражает *Введение*, содержащее изображение пандемии чумы. На другой день Константину Платоновичу попадает книга, где снова встречается описание этой болезни, к тому же упоминается смерть престарелого Тициана. Нарисованный этим художником знаменитый *Пор-*

трет неизвестного, как магнитом, ежедневно притягивает героя к себе. Созерцая его в экспозиции одного из музеев Флоренции, Лейден находит в нем сходство с собой, а затем и отождествляет себя с ним. Спустя пару дней он, зайдя в галерею и беспричинно, казалось, волнуясь, в портрете мужчины вдруг видит не только себя, но еще одного из героев недавно прочитанной книги, который продал душу дьяволу и попал на суд Эака, Миноса и Радаманта. И здесь на изображение в целом реальных картин и событий прозаиком начинают накладываться фантастические элементы, которые далее в онирической парадигме повествования соотносятся с символическим дискурсом произведения. Лейдену кажется, что мужчина с портрета ему начинает как будто подмигивать, зная о нем что-то тайное, недостойное. Герой чувствует дискомфорт, а потом бессознательный страх за жену, стыд за свой отъезд в беспокойное время и связь с Роксоланой. Уже прозревая свою вину, Лейден с ужасом думает:

Когда же я стал негодяем? Неужели был всегда? Как же назвать иначе старого человека, который бросил жену и дочь вдобавок в зараженном городе, живет во Флоренции, где никакой холеры нет, пьянствует на их деньги с любовницей... [...] В Киеве скоро станет тепло, эпидемия усилится, что, если, не дай Господи, они заболеют! Что я себе тогда скажу. (Алданов, 1999, с. 211)

Автор пишет, что в ту же ночь Лейдену приснился Страшный суд, который вершился уже как бы над ним. В этом вещем сне перед входом в Чистилище „метал кости Случай” (Алданов, 1999, с. 213), а ни в чем не повинная героиня прочитанной накануне им повести уже много лет пребывала в Раю. Время шло, но однажды, по воле счастливой случайности — „[...] метнулись кости в руках Случая” (Алданов, 1999, с. 213–214) — героине открылся тайный вход в коридор, и, вбежав в него, она выбралась из загробного мира к тому, кто ее поджидал наверху. Жене Лейдена счастье такое же (по случайности) не подвернулось. И здесь очень важен эпиграф к главе, где представлен сон Лейдена. Им служат слова Александра Гамильтона (1757–1804):

Свобода воли и необходимость одинаково непостижимы. Две противоположные и исключаящие друг друга системы теоретически имеют равные шансы. Но на практике свойственное нам сознание нравственного закона, которое, без моральной свободы человека, было бы ложным императивом, дает решительное превосходство доктрине свободы над доктриной рока. (Алданов, 1999, с. 207)

Е. Трубецкова справедливо утверждает, что именно эту сентенцию писатель и проверяет на своих героях. Ольга Ивановна,

[...] как ни любила она дочь и мужа, как ни хотела жить для них, покоряется необходимости выразить свою волю, ухаживая за умирающей от холеры служанкой Ульяной, в результате чего погибает и сама. Иначе соотнесены эти категории в миропонимании героя романа Виера, [...] бесславно погибшего за идею. [...] баррикады в революционном Париже оказываются для него тем пределом, тем несчастным случаем, который стал для него роковым. В историософии Алданова исторический процесс состоит из бор-

бы с несчастным, слепым случаем, но есть и удачный, счастливый случай, ограждающий человека от возможных несчастий, и приблизить, угадать его он может, совершая правильные поступки. Мерилом этой правильности является третья составляющая его концепции — идея «Красота-Добро», заглавные буквы графического выражения которой подчеркивают ее универсальность и значимость в теории автора. (Трубецкова, 1998, с. 97–109)

Весть о смерти жены и Ульяны становятся испытанием и наказанием муками совести для согрешившего Лейдена, и лишь позднее он обретает смысл жизни в воспоминаниях и метафизическом единении с той, с кем он связан был узами брака, любовью, судьбой. Оставаясь жить в памяти, в ежедневных раздумьях о вечном страдающего Константина Платоновича, умершая от холеры жена Лейдена обретает бессмертие, непосредственно вписываясь в его философские размышления о красоте-добре, роли случая в жизни каждого и в истории.

Холера является лишь одной из болезней, описанных в произведении. Холерой заболевают и умирают Ульяна и Ольга Ивановна, пандемия уносит из жизни большое количество киевлян. В *Повести о смерти* встречаются упоминания и других разных болезней, причем часть из них описана в тексте подробно, со знанием автором основных проявлений недуга и методов, применявшихся в те времена для лечения. Так, накануне поездки в Европу симптомы скорее всего онкологии (опухоль-пуговку) обнаруживает у себя Лейден. Смертельно болен доживающий свои последние дни автор *Человеческой комедии* Оноре де Бальзак; больна и его жена Эвелина Ганская.

Сюжетная линия пандемии холеры переплетается в произведении с изображением революции 1848 г. Во Франции. Она актуализируется в разных контекстах, нередко при этом утрачивая уточняющую дефиницию и подключаясь к системе метафорических, образных построений, имеющих чаще всего негативную коннотацию. В показе самой же истории того времени мы находим „подробную разработку метафоры революции как социальной и нравственной болезни общества [...]” (Трубецкова, 2018, с. 67). Причем в ней часто важную роль также начинает играть случай.

В *Повести о смерти* ведущий, волею автора, революционную пропаганду Виер в завершении одного из своих докладов проводит параллель между обществом того времени и поведением Людовика XI в последние дни его жизни. Чувствуя приближение конца, король скрывал это от себя и от всех. Виер, цитируя Луи Блана, говорит, что подобным же образом

[...] поступает и нынешнее общество. Оно чувствует, что его смерть близка, — и отрицает свою тяжкую болезнь. Оно окружает себя лживой роскошью, придает себе вид непоколебимой мощи, хвастает как и чем только может. Но его душу гложет тяжкая тревога. На всех его праздниках незримо присутствует призрак революции. (Алданов, 1999, с. 151–152)

Прибегая к морбуальному коду в повествовании, М. Алданов показывает, что общество того времени было действительно нездорово. Однако могла ли его оздоровить революция? Отвечая на этот вопрос, прозаик изображает почти всех готовивших ее приближение и в ней участвовавших как помеченных меткой какой-то болезни, психически нестабильных или ущербных людей. Причем это относится как к реальным фигурам истории, так и к вымышленным персонажам.

Основавший в Париже Республиканское общество, целью которого было ниспровержение существующего правительства и построение коммунизма, реальный Луи Огюст Бланки (1805–1881) представлен в произведении как жестокий, психически неуравновешенный человек. Характеризуя его репликами Оноре де Бальзака, автор обращается к распространенному морбуальному штампу и заявляет, что он — „сумасшедший человек” (Алданов, 1999, с. 180). „Бланки плоский, вот он какой! [...] И весь социализм такой, и вся ваша демократия. Впрочем, как и антисоциализм и антидемократия точно такие же. Как и все, что касается политики”, — говорит автор *Человеческой комедии* Виеру. В повести также упоминается, что, „Торквиль изобразил Бланки чудовищем и по наружности [...]” (Алданов, 1999, с. 326), а в отдельной главе об этом участнике политических заговоров отмечается, что:

Бланки издевался над людьми, желавшими наперед знать всю его программу. Отвечал, что общая цель ясна, а дальнейшее будет зависеть от обстоятельств: надо пользоваться каждой возможностью, хотя бы она открывала лишь маленький шанс на успех; надо работать изо всех сил, а исход решит случай. Люди же, в него не верящие, — никому не нужные догматики. Они ничего в революции не понимают; им лучше сидеть у себя в кабинете и выработать законы истории. (Алданов, 1999, с. 329)

Последователь Бланки и борец за независимость Польши Виер ограничен, „зажат” в проявлении своих человеческих чувств. В характере этого вымышленного персонажа болезненно сочетаются гордость и чувство собственной неполноценности, фанатизм, жажда подвига, славы и мелочность, мнительность.

Судя по тексту М. Алданова и архивным свидетельствам, у вошедшего после Февральской революции 1848 г. (Франция) в состав Временного правительства известного физика, астронома и оптика Франсуа Жана Доминика Араго (1786–1853), было „очень дурное состояние здоровья” (Алданов, 1999, с. 319), врачи считали его „тяжело больным человеком: ему в самом деле оставалось жить недолго” (Алданов, 1999, с. 320).

Члены одного из кружков к тому времени разгромленного украинского Кирилло-Мефодиевского братства (1844–1847), стремившиеся „превратить Российскую империю в федеративную республику” (Алданов, 1999, с. 154), представлены в повести типами „мрачного вида” и несозревшей, неразвитой молодежи.

Глава российского кружка заговорщиков, занимавшихся пропагандой материализма и утопического социализма, Михаил Буташевич-Петрашевский (1821–1866) заявлен в произведении как человек „со странностями”.

Интерес представляет и обращение автора к морбуальному образу-символу крови, а также к кровавому красному цвету как символам революции. Так, среди участников Кирилло-Мефодиевского братства упоминается „какой-то мрачного вида человек в красной рубаше [...]” (Алданов, 1999, с. 154). Оказавшись в созданных в первые дни Великой Французской революции Национальных мастерских, Виер видит „[...] кроваво-красные огни. Вокруг них что-то делали полуголые люди” (Алданов, 1999, с. 375), — те, для которых и вместе с которыми должны были совершаться перевороты.

В сценах, представляющих последние месяцы жизни Оноре де Бальзака, мы видим, как автору *Человеческой комедии* для облегчения страданий пускают кровь, ставят пьявки, и вспоминаем, что в Киеве во время холеры всем „больным, первым делом, пускалась кровь [...]” (Алданов, 1999, с. 33). Ради оздоровления общества ему также „пускают кровь”. С опорой на факты М. Алданов сообщает читателям о том, что появившаяся на следующий день после июньского восстания в газете „статья «Constitutionel» начиналась словами: «Странный бунт сегодня залил кровью Париж»” (Алданов, 1999, с. 381), однако это кровопускание не было очистительной жертвой, которую должен был принести старый мир. Зная о том, что флеботомия как универсальный метод оздоровления давно отвергнута, прозаик упоминает слово „кровопролитие” и в его прямом значении при показе событий, и как распространенную политическую метафору. Он подчеркивает, что „июньское восстание 1848 года было одним из самых кровопролитных в истории” (Алданов, 1999, с. 377).

Рассуждая о творчестве М. Алданова в целом, но не останавливаясь на детальном анализе его *Повести о смерти*, Е. Трубецкова подчеркивала, что

[...] обращение к теме болезни у Алданова связано с главной темой его творчества — с размышлением о роли случая в истории и судьбе отдельного человека. В отличие от исторического детерминизма, принятого в советской историографии, Алданов, не отвергая „цепей причинности”, писал о принципиальной непредсказуемости исторического процесса, обусловленной абсолютно случайным скрещением бесконечного множества таких цепей. [...] В жизни героев, и вымышленных, и исторических, писателя интересуют [...] исключительные, поворотные ситуации. Болезнь становится своеобразной точкой бифуркации в судьбе героя. И в описании болезни воплощаются размышления автора о случайности и предопределенности, непредсказуемости и детерминированности окружающего мира. (Трубецкова, 2017, с. 323–326)

Революция в повести предстает в виде ряда кровавых сцен, где позиция борющихся иногда выбирается „совершенно случайно” (Алданов, 1999, с. 380). С особым акцентом на значимой для прозаика категории случая в ней неединожды упоминается о парижских „кровавых боях” (Алданов, 1999, с. 388). Передавая воспоминания одного из реальных участников этих со-

бытий, М. Алданов описывает раненого на баррикаде мальчишку, которого нес на руках защищающий власть унтер-офицер: „Окровавленная голова его откидывалась назад [...]” (Алданов, 1999, с. 380). Последним желанием этого паренька было „выпить мадеры” — вина тоже красного, как кровь, т. е. символа, субститута пьянящей его революции.

Не принимавший ни коммунистических идей, ни марксистской теории исторического развития, прозаик всячески акцентирует роль случая в революции, в судьбах тех, кто участвует в ней. Он заявляет:

В июньских боях случай играл столь же большую роль, как в других событиях февральской революции и всех революций. Привела же она к воцарению Наполеона III. Он был во всех отношениях хуже Людовика-Филиппа: при нем свободы во Франции было много меньше, чем в царствование последнего короля, и закончилась Вторая Империя такой военной катастрофой, какой при Бурбонах вообще никогда не было. (Алданов, 1999, с. 381)

Так уж случилось в реальной истории, что охватившая родной город писателя — Киев — холерная пандемия (Zhukovskiy, 2000) совпала по времени с заразившим Европу стремлением к ненавистным М. Алданову революциям. Подобное совпадение облегчило прозаику построение сложной системы переплетения тематических линий, сюжетов, а также их „скрепы” при помощи обращения к морбуальному коду в повествовании. К тому же М. Алданов — не только писатель, но и как ученый (он — автор монографических изысканий по химии *Actinochimie*, 1936; *К вопросу о возможности новых концепций в химии*, 1951; и другим дисциплинам), скорее всего, хорошо знал известный доклад Александра Чижевского *Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли* (1915). В нем доказывалось, что виновником возникновения эпидемий являются вспышки на солнце. Позднее установили, что „солнечная активность подчинена нескольким накладывающимся друг на друга циклам [...]. Практически все зафиксированные хронистами и историками эпидемии вспыхивают с той же периодичностью” (*Эпидемии на Землю приходят из космоса*, 2021). От вспышек на солнце зависит рост общей активности человека, его страсть к войнам и революциям: их повторение совпадает по времени с циклами вспышек светила. А это в своих наблюдениях также мог предвидеть Франсуа Араго. Ведь не зря ему, размышляющему над случайностью и законами возникновения разных явлений, М. Алданов и посвящает вставную главу. Намеком на связь между космосом, пандемией и революцией представляется также упоминание в тексте того, что в своих упованиях на роль случая в революции „Бланки исходил из космогонии Лапласа [...]” (Алданов, 1999, с. 329). Из нее же шли его выводы относительно человеческих судеб.

Как видим, в произведении М. Алданова все очень связано и обосновано. Третья холерная пандемия и революция представляются с помощью обращения к морбуальному коду, который метафорически переносится на всю

поднятую проблематику, а последняя дана в повести в дискурсе осмысления философии случая.

Библиография

- Алданов, М. (1999). *Повесть о смерти*. В: М. Алданов, *Повесть о смерти. Бред*. Москва: „Гудьял-Пресс”, с. 25–408. [Aldanov, M. (1999). *Povest' o smerti*. W: M. Aldanov, *Povest' o smerti. Bred*, Moskva: „Gudjal-Pres”, s. 25–408].
- Жуковский, Л. (2000). Из истории эпидемии холеры в Киеве в 1847 году. *Aganum*, 4. По: *Интересный Київ*, 1.08.2010. Режим доступа: <https://www.interesniy.kiev.ua/zakonomernosti-kievskih-epidemiy/> (дата обращения: 17.05.2021). [Zhukovskiy L. (2000). Iz istorii epidemii kholery v Kiyeve v 1847 godu. *Agapit*, 4. Po: *Interesniy Kiiv*, 1.08.2010].
- Сонтаг, С. (2016). *Болезнь как метафора*. Москва: Ad Marginem [Sontag, S. (2016) *Bolezn' kak metafora*, Moskva: Ad Marginem].
- Стуканова, М. (2020). „Последствия могли быть меньшими”: В XIX веке на Киевщине боролись с инфекционными болезнями с помощью... языческих ритуалов. *День, 3 апреля*. Режим доступа: <http://day.kyiv.ua/ru/article/istoriya-i-ya/posledstviya-mogli-byt-menshimi> (дата обращения: 17.05.2021). [Stukanova, M. (2020). „Posledstviya mogli byt' men'shimi”: V XIX veke na Kiyevshchine borolis' s infektsionnymi boleznymi s pomoshch'yu... yazycheskikh ritualov. *Den'*, 3 aprelya].
- Третья холерная пандемия*. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D1%8F_%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 17.05.2021). [*Tret'ya kholernaya pandemiya*].
- Трубецкова, Е. (1998). Философия случая в романах М. А. Алданова: синергетический аспект. *Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика*, 2, с. 97–109. Режим доступа: <https://www.philol.msu.ru/~modern/index.php?page=1040> (дата обращения: 17.05.2021). [Trubetskova, Ye. (1998). *Filosofiya sluchaya v Romanakh M. A. Aldanova: sinergeticheskiy aspekt. Izvestiya vuzov. Prikladnaya nelineynaya dinamika*, 2, с. 97–109].
- Трубецкова, Е. (2017). „История болезни” в романах М. Алданова. *Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 17 (3), с. 323–326. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-3. Режим доступа: https://bonjour.sgu.ru/sites/bonjour.sgu.ru/files/2017/10/13_trubetskova-75-78.pdf (дата обращения: 10.07.2021). [Trubetskova, Ye. (2017). „Istoriya boleznii” v romanakh M. Aldanova. *Izvestiya Saratovskogo. un-ta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 17 (3), s. 323–326].
- Трубецкова, Е. (2018). Болезнь как социальная и политическая метафора в литературе и публицистике XX века. *Известия Саратовского ун-та, Новая серия, Серия Филология. Журналистика*, 18 (1), с. 65–68. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-65-68. [Trubetskova, Ye. (2018). *Bolezn' kak sotsial'naya i politicheskaya metafora v literature i publitsistike XX veka. Izvestiya Saratovskogo un-ta., Novaya seriya, Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 18 (1), s. 65–68].
- Трубецкова, Е. (2021). Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 21 (2), с. 186–191. DOI: 10.18500/1817-7115-2021-21-2-186-191. [Trubetskova, Y. (2021). *Meditsinskiy diskurs i/ili morbual'nyu kod: problemy terminologii. Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 21 (2), s. 186–191].
- Фарыно, Е. (2004). *Введение в литературоведение*. Учебное пособие. Санкт-Петербург, Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. [Faryno, Ye. (2004). *Vvedeniye v literaturovedeniye. Uchebnoye posobiye. Sankt-Peterburg, Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena*].

- „Чума на оба ваши дома”: как великие эпидемии повлияли на человечество. (2020). ТАСС Общество, 31 марта, 10:56. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8094151> (дата обращения: 10.03.2021). [„*Chuma na oba vashi doma*”: *kak velikiye epidemii povliyali na chelovechestvo*. (2020). TASS Obshchestvo, 31 mar. 2020, 10:56].
- Эпидемии на Землю приходят из космоса. (2021). [*Epidemii na Zemlyu prikhodyat iz kosmosa*. (2021)]. Режим доступа: <http://news.mail.ru/society/2137058> (dostep: 10.05.2021).
- Эпштейн, М. (2021). Пандемия: философский диагноз. *Сноб*. Режим доступа: https://snob.ru/profile/27356/blog/176012/?fbclid=IwAR3fINsW--0DeODNoz4uCvZjVua06KhsJwLYIhCZYU1_bRKVqSdkEwznMVE (дата обращения: 14.07.2021). [Epshteyn, M. (2021). *Pandemiya: filosofskiy diagnoz*. *Snob*].